

Мы, разумеется, в небесах.
А краеведчески и следопытчески
Мы в городах, и в полях, и в лесах.

В одних произведениях человек рассматривается прежде всего как явление природы, гносеологически родственное ее другим органическим и неорганическим порождениям («Был дождь как дождь», «Здравствуй, смерчевидный человек!..», «Поединок»). В других — как общественное существо, имеющее за своими плечами большую историю и культуру («Правопреемство», «Смягчение», «Башкирская пещера», «Мемуары»). На первый план как самое важное человеческое качество Мартынов выдвигает деятельность мозга, продуктами которого являются ощущения, представления, мышление. В стихотворении «Внутренний мир» (1965) художник показывает, что зрелый разум, проделавший путь развития от низших форм мышления к самым отвлеченным логическим построениям, способен «опережать» действительность, изменяя ее согласно своим проектам. Выступая эквивалентом понятия «сознание», образ внутреннего мира раскрывает необъятные возможности человеческого мозга.

Внешний мир изменился
Не настолько еще за полвека,
Чтобы в нем поместился
Весь внутренний мир человека, —

утверждает в финале стихотворения поэт.

Фантастическая условность, позволяющая сделать невидимое — видимым, воображаемое — реальным, гипербола, отражающая мощь разума, служат у Мартынова средством возвеличивания человека как высшей формы развития жизни на Земле. Художник показывает, что физическая уязвимость и брэнность не препятствуют титанической духовной деятельности людей, их созидательным усилиям. Не затушевывая опасностей, подстерегающих человечество, поэт выражает веру в возможность реалистического решения сложнейших проблем, от которых во многом зависит будущее нашей планеты. Негативный земной опыт, считает Мартынов, должен послужить предостережением при освоении человеком космоса. Поэт предупреждает, что в космос не должно быть занесено «ни единого миазма».

Высшую миссию людей Мартынов видит в созидании всечеловеческого общества мира и гуманизма, разумно использующего все богатства Земли, дары Вселенной на благо современников и потомков. Расширяя возможности поэтического творчества, художник стремится приблизить читателя к овладению подлинно научными знаниями о мире, пониманию своего глобального назначения в нем.

¹ Брюсов В. Дали. — М., 1922, с. 7.

² Винокуров Е. Избранные произведения в 2-х томах. — М., 1976, т. 2, с. 448.

³ Произведения Л. Мартынова цитируются по кн.: Мартынов Л. Собр. соч. в 3-х томах. — М., 1977, т. 2; Мартынов Л. Узел бурь. — М., 1979; Мартынов Л. Золотой запас. — М., 1981.

М. И. ТИМОЩЕНКО

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Одним из аспектов проблемы изучения личности и творчества Блока является анализ его взаимоотношений с современниками. Путь А. Блока поэта ознаменован встречами и расставаниями со многими людьми, которые так или иначе влияли на его творчество и мировоззрение. К числу таких людей принадлежит Вяч Иванов. К моменту их знакомства А. Блок был уже известным поэтом-символистом. Цикл «Стихи о Прекрасной Даме» сразу принес ему известность. Годы подготовки первой русской революции помогают накопить тот жизненный опыт, которого, как замечает сам А. Блок, у него «не было долго». Ширится круг знакомых поэта, начинается активная переписка с А. Белым.

В этот период А. Блок испытывает влияние В. Брюсова, «который «заворожил его» широким введением в поэзию современной темы, урбанизмом, образами будничной реальности быта, простых людей».¹ «Лиловые миры» предстают перед взором поэта, «музыка страшного мира» раздается в его ушах, «хаос» врывается в душу:

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят².

Новое — неведомое и грозное — волнует А. Блока. Разрушительная стихия революции 1905 года вносит «нечаянную радость» в его жизнь. Видимо, тогда уже поэта начинают волновать проблемы выхода за рамки лирики, публицистики, реформы театра. Эти же проблемы интересовали и Вяч. Иванова, поэтому А. Белый и повез его к Блоку: «...скоро я возил Иванова к Блоку иметь разговор о таком театре».³ Так вошел Вяч. Иванов в жизнь А. Блока.

Приход Вяч. Иванова в русскую литературу совпал с изменением настроений в символистской среде. Теория синкретического «александрийского» символизма, где «становилось нечто вроде знака равенства между театром и храмом, Христом и Дионисом, Богоматерью и всякой рождающей женщиной, Девою и Менадой, любовью и эротизмом, Платоном и греческой любовью, теургией и филологией, Вл. Соловьевым и Розановым, греческой орхестрой и парламентом, русской первобытной общиной и Новым Иерусалимом, левым народничеством и славянофильством и т. д.»⁴, обобщала и углубляла лозунги декадентства. И вместе с тем, по справедливому замечанию А. Белого, Вяч. Иванов выступает в роли «отравителя чистоты воздуха самой символической среды...»⁵

А. Блока многое привлекало в философии Иванова. «Дионисийство», представление о ценности страстей и состояний, об отсутствии границы между «я» и миром — все эти проблемы связаны с напряженными раздумьями А. Блока о революции, о месте искусства в жизни. Проповедуемая Вяч. Ивановым идея красоты, преобразующей мир, близка Блоку:

Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик — зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю! (II, 134)

Особенно тесно А. Блок сближается с Вяч. Ивановым в 1905 — 1907 годы. Но дружба эта противоречива. Ученость Иванова, его умение «стелить, как невод, разговор» притягивают молодого поэта, но остается еще чувство инстинктивной боязни, недоверия. «Над Вяч. Ивановым у меня большой вопросительный знак (как над человеком действия и воли). Он «волит», может быть, куда-то наискосок, хищно и метко», — признается А. Блок Евг. Иванову 23 мая 1905 года. (VIII, 125). И несколько месяцев спустя — А. Белому: «А мне трудно еще с Вяч. Ивановым» (VIII, 137).

С осени 1905 года начинаются «среды» Вячеслава Иванова, активным участником которых является А. Блок. Здесь встречаются самые различные люди, высказываются в многочасовых дискуссиях кардинально противоположные мнения. Жаркие споры обычно заканчивались чтением стихов. Часто читал и А. Блок. Он был здесь кумиром, но в этом была и обратная сторона: «Все были влюблены в него, но вместе с обожанием точили яд разложения на него», — справедливо отмечает С. Городецкий.⁶ Блок закружился в вихре «снежной маски». Проповедуемые Вяч. Ивановым «дионисийство», всеразрешенность очень созвучны настроениям А. Блока этого периода. 7 декабря 1906 года он пишет Евгению Иванову: «С Вячеславом очень сблизился, и многое мы поняли друг в друге» (VIII, 168). Образ жизни людей, которым в это время близок Блок, выразительно охарактеризован А. Белым в его мемуарах: «Петербург пировал: жезлоносец Иванов, Чулков, Городецкий, артистки и пианистки, эстеты и поэты, попойки и тройка из Балаганчика — все неслось галопами».⁷

Но кроме этой, внешней, у А. Блока была еще и глубокая внутренняя жизнь. Бесконечные прогулки по Петербургу, наблюдения за жизнью простых людей — все это было источником той энергии, которая вытолкнула его из замкнутого мира «снежной маски» на простор «вольных мыслей». Духовный рост А. Блока обуславливал переоценку ценностей, отход от когда-то близких людей. Это отразилось и на отношениях с Вяч. Ивановым. Тонкая интуиция сдерживает А. Блока от полного увлечения Вяч. Ивановым даже в период их самых близких отношений. «Все это строительство таких высоко культурных людей, как Вяч. Иванов, и высоко предпринимчивых, как Георгий Чулков и Мейерхольд, начинает мучить меня. Чувствую уже, как хотят выскоблить что-то из меня операционным ножичком», — признается он А. Белому 3 января 1906 года (VIII, 146). Но самое страшное

пока не в этом. «Самое ужасное для меня (отчего и тоскую), что не умею быть самостоятельным», — добавляет он.

Однако уже в 1907 году А. Блок конкретно и бескомпромиссно утверждает свое отношение к «мистическому анархизму». В официальном письме в редакцию журнала «Весы» он пишет: «...высоко ценя творчество Вячеслава Иванова и Сергея Городецкого, с которыми я попал в одну клетку, я никогда не имел и не имею ничего общего с «мистическим анархизмом», о чем свидетельствуют мои стихи и проза» (V, 676). А. Блок очень хорошо понял несостоятельность «мистического анархизма». Чувство меры предостерегло его: «Мое несогласие с Вяч. Ивановым в терминологии и пафосе (особенно — последнее), — записывает он 1 августа 1907 года. — Его термины меня могут оскорблять. **Миф, соборность, варварство.** Почему не сказать проще? Ведь, по-существу, в этом ничего нового нет». ⁸ Блок пытается объяснить сущность своих отношений с Вяч. Ивановым: «Мы оба — лирики, оба любим колебания друг друга, так как за этими колебаниями стоят и сторожат наши лирические души. Сторожат они совершенно разное, потому, когда дело переходит на почву более твердую, мы расходимся с Вяч. Ивановым. К пунктам расхождения, очень важным, принадлежит, например, Л. Андреев, или мистический анархизм» (VIII, 200). Но Вяч. Иванов — лирик, поэт был дорог А. Блоку на протяжении многих лет. И даже разочарование в Иванове-человеке, Иванове-теоретике не мешает А. Блоку высоко оценивать его творчество. «Вяч. Иванова ценю, как писателя образованного и глубокого и как прекрасного поэта...» — писал он А. Белому (VIII, 190).

С усилением тяготения А. Блока к живому реальному миру, ослабляются его связи с символистским окружением. Поэт, по его собственному признанию, «проходит» через Вяч. Иванова. Но Иванову не хочется терять А. Блока. Стремящийся поучать, доказывающий неоспоримость своих идей Вяч. Иванов хочет иметь при себе А. Блока как гениального воплотителя этих идей. Тонкий психолог, он по-видимому уловил настроение А. Блока и сделал все, чтобы привлечь его к себе. Поэты часто встречаются (в основном по инициативе Вяч. Иванова), переписываются, выступают вместе на вечерах. Все письма А. Блока Вяч. Иванову подписаны «Любящий Вас Блок». Трудно заподозрить в неискренности Блока, «которому слов неправды говорить не приходилось». Но было еще много и потаенного в душе А. Блока, чего не понял Вяч. Иванов. В 1909 году он пишет стихотворение «Бог в лупанарии», посвященное Александру Блоку. Стихотворение написано динамичным ямбом, которому пиррихии, замедляя его, придают торжественность. Поэт здесь сравнивается с богом, сошедшим на землю и увидевшим грязь реальной жизни. Однако у Вяч. Иванова образ этот поверхностный, воспроизводящий только внешний переход поэта из чертогов Прекрасной Дамы в «притон, где слышны гик и танец, и стук бросаемых костей». Основной же задачей лирического героя является, по мнению автора, стремление

Воспоминаньем чаровать
И, к долу горнее принизив,
За непонятым узывать ⁹.

Действительно, много страшного увидел А. Блок в открывшемся ему мире. Но выводы его противоположны выводам Вяч. Иванова: «утверждалась» его связь с миром, рождался художник «общественный», «мужественно глядящий в лицо миру» (VIII, 344). Летом этого же, 1909 года, задуман А. Блоком ответ Вяч. Иванову, но написан он был только в 1912 году, когда окончательно определились их отношения.

А пока их сближает еще многое: и раздумья о судьбах Родины, и разгоревшаяся полемика о кризисе символизма. Но близость эта внешняя. Чтение первых глав «Возмездия» заставляет Вяч. Иванова «метать громаы». Блок же все яснее понимает, что ему не по пути с Вяч. Ивановым. В ответ на предложение А. Белого создать «Дневник трех поэтов» (А. Блок, Вяч. Иванов, А. Белый) он пишет: «...я не уверен в необходимости журнала, состоящего из нас троих» (VIII, 345). Проявляются уже не только идейные разногласия, но и психологическая несовместимость этих людей. Если в 1910 году А. Блок еще спрашивает у Вяч. Иванова: «Кто Вы?», то в 1911 этот человек кажется ему почти страшным: «Постриг бороду и на подбородке невыразимо ужасная линия, глубоко врезалась... Язвит, колет, шипит, бьет хвостом, заигрывает» (VII, 72).

Все дальше и дальше уходит Вяч. Иванов в мир, создаваемый им са-

мим, — от нерадостного детства, трудовой юности — в мир книжный и далекий от насущных забот. Блок же весь устремлен в будущее. Он вышел из уютного бекетовского дома, чтобы пройти трудные круги познания жизни и утвердить необходимость связи поэта с миром.

Пришло время подводить итоги. 5 января 1912 года А. Блок записывает в своем дневнике, что собирается «обратиться к Вячеславу» с «воспоминательными стихами». 18 апреля он посылает Иванову экземпляр третьей книги «Собрания стихотворений» с поэтической дарственной надписью. Здесь А. Блок, как всегда, предельно правдив. Встреча с Вяч. Ивановым — «только миг в слепящей вьюге», «горькой складкой те года» легли на сердце поэта. «Царский поезд» навсегда уносит Вячеслава Иванова от «пыльного перекрестка», где стоит «печальный, нищий и жесткий» поэт. Стихотворение предельно конкретно: «... друга // В тебе не вижу, как тогда» (III, 141).

4 мая А. Блок получает «Cor ardens» с надписью в стихах. Вяч. Иванов не верит, что дружба в прошлом: «Еще костер не отпылал, И розы жалят: сердце живо». У него мир Блока слишком легок и светел. «Легким поездом» называет Вяч. Иванов тернистый путь автора «Возмездия» и «Страшного мира». Звонко-радостная звукопись —

Смотрю
На легкий поезд твой — с испугом
Восторга! Лирник-чародей,
Ты повернул к родимым вьюгам
Гиперборейских лебедей! —

звучит совершенно не в унисон с могучим оркестром А. Блока. Вяч. Иванов лепит такой образ, который бы хотелось видеть ему самому, и лепит он его с одной мыслью:

Пусть вновь — не друг, о мой любимый!
Но братом буду я тебе
На веки вечные в родимой
Народной мысли и судьбе¹⁰.

Вот тут уже придется согласиться с Вяч. Ивановым: быть «братом» Блока в народной памяти довольно заманчиво. Но «таинственное крещение Соловьевым», обручение с «единой» — прошлое, которое уже не имеет власти над Блоком. Сам лишенный устремленности к будущему, Иванов не смог увидеть «подземного роста» души Блока. И хотя после этого Вяч. Иванов и А. Блок еще встречаются, хотя общие знакомые пытаются их сблизить опять, Вяч. Иванова уже «нет» для Блока. Дальше каждый из них пошел своим путем: А. Блок — к «Двенадцати» и «Скифам», Вяч. Иванов — к «Песням смутного времени», а позже — к католичеству.

¹ Литературное наследство. — М., 1980, т. 92, кн. 1, с. 129.

² Блок А. А. Собр. соч. в восьми томах. — М., 1965, т. 2, с. 148.

Все дальнейшие цитаты из этого издания даны в тексте статьи с указанием в скобках тома и страницы.

³ Белый А. Между двух революций. — Л., 1934, с. 67.

⁴ Белый А. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — В кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников. — М., 1980, т. 1, с. 265.

⁵ Там же, с. 266.

⁶ Городецки й С. Воспоминания об Александре Блоке. — В кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников, т. 1, с. 332.

⁷ Белый А. Между двух революций, с. 183.

⁸ Блок А. А. Записные книжки. — М., 1965, с. 96.

⁹ Иванов В. И. Стихотворения и поэмы. — М., 1976, с. 220.

¹⁰ Там же, с. 250, 251.

Т. В. КОВАЛЕВА

ДОСТОЕВСКИЙ И ЖОРЖ САНД

(Опыт сравнительно-типологического исследования)

Интересным моментом в истории русско-французских литературных отношений является вопрос о восприятии Достоевским творчества Ж. Санд, которое на протяжении всей жизни было близко ему по духу и нередко использовалось как веский аргумент в споре с идейными противниками. С другой стороны, в произведениях Достоевского и Ж. Санд, генети-